

ОЛЬГА СЛОБОДСКАЯ

Убитая однушка

уютный мистический детектив

КВАРТИРА С ИСТОРИЕЙ · КНИГА 1

Ольга Слободская

Убитая однушка

<https://litres.ru/74626993>

SelfPub; 2026

Аннотация

Варвара Ключникова работает риелтором и берёт то, от чего отказываются другие: квартиры, где умирали, и дома с дурной славой. Новый объект достался ей вместе с тремя сорванными сделками. Однушка в старой хрущёвке на Волге, где по ночам стучат в стене, а ровно в 23:40 само включается радио, в котором нет батареек. Хозяйка квартиры сорок восемь лет ждала мужа, который однажды ушёл из дома и не вернулся. Варя уверена, что призраков не бывает, бывают соседи. Но когда на лестнице находят мёртвой сиделку покойной хозяйки, становится ясно: кто-то в этом подъезде очень не хочет, чтобы квартиру продали.

Уютный мистический детектив. Первая книга серии «Квартира с историей».

Содержание

Объект без шансов	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ольга Слободская

Убитая однушка

Объект без шансов

Продаётся 1-к. кв., 31 м², 5/5, ул. Слободская, 14. Хорошая, светлая, тёплая. Рядом рынок, школа, остановка. СРОЧНО. Торг.

Объявление на «Авито», висит с июня. Просмотров: 2 114. Звонков: 9.

Эдик Ракитин считал, что у каждой квартиры есть цена, а у каждого покупателя — момент, когда он перестаёт думать головой. Это была его главная мысль о жизни, он повторял её на каждой планёрке, и к своим тридцати двум годам Варя слышала её раз, наверное, триста.

— Есть цена, и есть момент, — сказал Эдик и постучал ручкой по папке. — Здесь мы упустили и то и другое.

Папка была синяя, пластиковая, с треснувшим уголком. На ней маркером было написано: «Слободская 14/37». Ниже кто-то дописал карандашом: «НЕ БРАТЬ», и это «не брать» потом пытались стереть, но только размазали.

— Это кто писал? — спросила Варя.

— Неважно, — сказал Эдик.

— Это Лёша писал, — сказала Марина Петровна из бух-

галтерии, не отрываясь от монитора. — Лёша с неё три раза срывался.

— Лёша уволился, — напомнил Эдик.

— Из-за неё и уволился.

— Марина Петровна!

Марина Петровна пожала плечами и вернулась к своим ведомостям. В агентстве «Ракитин и партнёры» было четыре стола, кофемашина, которая работала через раз, и фикус, который не работал вообще, но его не выбрасывали из суеверия. Партнёров у Эдика не было никогда. Слово «партнёры» он придумал в 2014 году, когда регистрировал фирму, потому что так солиднее.

Варя открыла папку.

Однушка в хрущёвке, пятый этаж без лифта, тридцать один квадрат. Кухня шесть метров. Санузел совмещённый. Окна на две стороны, что для однушки редкость: в комнате на двор, в кухне на улицу. Собственница, Гладышева Антонина Павловна, 1942 года рождения, умерла в марте. Наследник по закону — внучатый племянник, Гладышев Денис Андреевич. Права оформлены в сентябре. Цена в объявлении — два миллиона девятьсот. Для Слободской это было почти даром.

— А что с ней не так? — спросила Варя. — Соседи-алкаши? Трещина в доме? Кто-то прописан и не выписывается?

— Чистая, — сказал Эдик. — Юридически как слеза. Я сам проверял.

— Тогда почему три срыва?

Эдик помолчал. Посмотрел на фикус, как будто тот мог за него ответить.

— Покупатели приходят, смотрят, им нравится, — сказал он наконец. — Вносят задаток. А потом отказываются. Последняя пара даже задаток не стала забирать, представляешь? Пятьдесят тысяч. Просто перестали брать трубку.

— Почему?

— Говорят, там стучат.

Варя подняла голову.

— Кто стучит?

— Вот и я спрашиваю: кто? — Эдик развёл руками. — Соседи, наверное. Ремонт. Трубы. Дом шестьдесят второго года, там всё стучит. А люди сейчас нервные, им сразу мерещится. Полтергейст, проклятие. Насмотрятся своих сериалов.

— Лёша говорил, что не трубы, — снова сказала Марина Петровна.

— Марина Петровна, я вас прошу.

Варя закрыла папку. Она знала, зачем её сюда позвали. Последние два года ей отдавали всё, что не продавалось. Квартиру, где жилец пролежал две недели, пока соседи не вызвали МЧС. Дом в Затоне, где хозяин повесился в сарае, и весь посёлок это знал. Комнату в общежитии на Кирова, про которую писали в местных пабликах. Такие объекты в агентстве называли «сложными». Сама Варя называла их честнее,

но вслух не говорила.

Она их продавала. Не сразу и не всегда за ту цену, которую хотел хозяин, но продавала. Эдик считал это талантом. Варя считала, что дело в другом: она просто не врала покупателям и знала про каждую квартиру больше, чем они могли спросить.

— Ладно, — сказала она. — Сколько у меня времени?

— Месяц, — сказал Эдик. — Наследник торопится.

— Почему торопится?

— Деньги нужны. Сама с ним поговори, он в одиннадцать подъедет. Только он... — Эдик поискал слово. — Своеобразный.

* * *

Денис Гладышев опоздал на сорок минут и не извинился. Это был крупный мужчина лет под сорок, в кожаной куртке, которая когда-то стоила дорого, и с телефоном, который он ни разу за весь разговор не выпустил из руки. Сел на стул для клиентов, повертел в пальцах визитку Вари.

— Ключникова, — прочитал он. — Это вы, значит, с трупами работаете.

— Я работаю с квартирами, — сказала Варя.

— Ну да. С такими. — Он хмыкнул. — Мне сказали, вы лучшая по всякой дряни.

— Кто сказал?

— Неважно. Короче. Мне нужно продать до первого декабря. Цену можете скинуть до двух семисот, ниже не надо.

Ниже я лучше Гайдамаку отдам, он предлагал.

— Гайдамак предлагал? — переспросила Варя.

Стаса Гайдамака в Зарецке знали все, кто хоть раз продавал или покупал жильё. Он выкупал квартиры у пьющих, у старых, у тех, кто запутался с долгами, платил наличными половину цены и через месяц перепродавал. Посадить его не могли уже лет десять. Варя один раз видела, как он разговаривает с бабушкой у подъезда: ласково, по-сыновьи, держа её за локоть. Бабушке потом повезло, у неё нашлась внучка-юрист.

— Предлагал, — кивнул Денис. — Миллион шестьсот, сразу, живыми. Но это грабёж.

— Это грабёж, — согласилась Варя. — Денис Андреевич, вы сами в квартире бываете?

Он отвёл глаза. Совсем чуть-чуть, на секунду. Варя это отметила.

— Бываю, — сказал он. — Иногда. Вещи разбирал.

— Стук слышали?

— Слушайте, — сказал Денис и наконец положил телефон на стол. — Я вам скажу, что я слышал. Я слышал, как моя бабка двадцать лет говорила, что её муж вернётся. Муж, который в семьдесят восьмом году ушёл из дома и пропал. Двадцать лет! Она его ждала, понимаете? Тарелку на стол ставила. А потом ещё пятнадцать лет говорила, что он ей по ночам стучит. Вот это я слышал. А больше ничего не слышал. Дом старый. Соседка за стенкой больная на всю голову.

Продайте мне квартиру, а?

Он встал, не дожидаясь ответа. Ключи бросил на стол. Связка из трёх: два обычных, один маленький, от почтового ящика. На кольце висел брелок, пластмассовый Чебурашка с облезлым носом.

— Это бабкин, — сказал Денис уже от двери. — Можете выкинуть.

Варя не выкинула.

* * *

Слободская улица начиналась от рынка и шла вверх, к старому кладбищу, где уже лет сорок никого не хоронили. Когда-то здесь была слобода, отсюда и название: деревянные дома, огороды, козы. В шестидесятых слободу снесли и поставили пятиэтажки, восемь штук, одинаковых, как кирпичи в коробке. Дом номер четырнадцать был предпоследним. Серый, в пятнах, с балконами, застеклёнными кто во что горазд. На одном балконе вместо стекла стояли пластиковые окна от другого дома, на два размера больше, и торчали наружу, как вставная челюсть.

Подъезд второй. Домофон не работал, дверь была подпёрта кирпичом. Внутри пахло кошками, жареным луком и чем-то сладким, похожим на выпечку. Варя поднималась медленно. На третьем этаже у батареи спал рыжий кот, огромный, как подушка. На четвёртом одна из дверей была обита старым коричневым дерматином с узором из гвоздиков, а за ней тикали часы. Не одни, а много, вразнобой, будто внутри си-

дела целая толпа и каждый считал своё.

На пятом было две квартиры, тридцать шестая и тридцать седьмая. Глазок тридцать шестой на секунду потемнел, когда Варя проходила мимо. Она сделала вид, что не заметила.

Замок открылся туго. Дверь подалась, и Варю обдало запахом, который она знала по десяткам таких квартир: валокордин, старые книги, пыль, нафталин и ещё что-то, неуловимое, что бывает только там, где очень долго жил один человек.

Она постояла на пороге. Это была её привычка, она ни с кем ею не делилась. Перед тем как войти в «сложную» квартиру, Варя всегда стояла на пороге и считала до десяти. Не из суеверия, просто чтобы квартира успела к ней привыкнуть. Или она к квартире. Так она объясняла это себе сама.

На счёт «семь» в глубине квартиры что-то щёлкнуло.

Варя замерла.

Ничего. Тишина. Где-то внизу хлопнула дверь, потом заорал телевизор у кого-то на третьем этаже, потом смолк.

— Холодильник, — сказала Варя вслух. — Это холодильник.

Холодильник действительно был, старый «ЗиЛ» с круглыми боками, и он действительно работал, гудел и иногда щёлкал реле. Варя проверила. Потом прошла по квартире.

Прихожая полтора метра, вешалка, на ней серое драповое пальто с каракулевым воротником и мужская шапка-ушанка, очень старая, ещё советская. Варя не стала спрашивать себя,

зачем вдове через сорок восемь лет хранить мужнину шапку на вешалке. Она уже знала ответ.

В комнате было чисто. Денис или кто-то другой убрал постель, свернул ковровую дорожку. Ковёр на стене остался: красный, с узором, похожим на ромашки, если смотреть издалека. Сервант с хрусталём. Телевизор «Горизонт», а на нём, накрытый вязаной салфеткой, плоский корейский, который Антонине, видимо, кто-то подарил и который она, видимо, так и не включала. Стенка из ДСП, книги в два ряда: Пикуль, Дюма, «Справочник фельдшера», подшивка «Работницы» за восьмидесятые.

На подоконнике стоял радиоприёмник. Варя узнала его не сразу, у её деда был такой же, только другого цвета. «Спидола». Чёрный пластиковый корпус, кожаный ремешок для переноски, серебристая шкала с названиями городов: Москва, Варшава, Прага, Будапешт. Как будто в Зарецке кто-то и правда ловил Будапешт.

Варя взяла радио в руки. Оно оказалось тяжелее, чем выглядело. Она повертела колёсико громкости, щёлкнула переключателем. Ничего. Перевернула: крышка батарейного отсека была закрыта и, судя по слою пыли в щели, не открывалась много лет.

Она поставила радио на место. Ровно туда же, по следу в пыли на подоконнике.

На кухне стоял стол на двоих, два стула. На одном лежала подушечка, вышитая крестиком. На другом ничего. Над сто-

лом висел отрывной календарь, остановленный на 14 марта. Под ним, на гвоздике, — связка ключей, такая же, как у Варе, только без Чебурашки.

Варя посмотрела на эту связку, потом на свою. Достала телефон, сфотографировала.

Потом записала в блокнот: «Запасные ключи. Чьи? Сколько всего комплектов?»

Потом записала: «Шапка».

Потом подумала и зачеркнула «шапку». Это было не для блокнота.

* * *

Показ она назначила на тот же вечер. Пара нашлась в базе, она уже звонила Лёше в августе и тогда передумала. Мирановы, Катя и Костя. Ей двадцать шесть, ему двадцать девять, она беременна, он работает на заводе «Волгодизель» мастером смены. Ипотека одобрена на три миллиона. Квартиру им надо до весны, пока не родится ребёнок.

— Мы тогда испугались, — честно сказала Катя по телефону. — Ваш коллега сам какой-то нервный был. Всё время оглядывался.

— Лёша у нас вообще нервный, — сказала Варя. — Поэтому он больше не работает.

Катя засмеялась. Хороший был смех, лёгкий. Варя подумала, что такие, как Катя, обычно и покупают «сложные» квартиры: не потому, что не боятся, а потому, что им некогда бояться.

Мироновы приехали в девять. Варя специально выбрала позднее время. Если в квартире и правда что-то стучит, пусть стучит при ней, а не потом, когда задаток уже внесён. Она так делала всегда. Эдик называл это «показом с открытыми картами» и ругался, что из-за таких показов она теряет половину клиентов. Варя считала, что теряет не половину, а тех, кто всё равно бы сбежал. Только позже и с адвокатом.

Костя сразу пошёл смотреть трубы. Простучал батареи, заглянул под раковину, открыл щиток в прихожей. Катя ходила по комнате и трогала стены, как будто проверяла, тёплые ли.

— Окна на две стороны, — сказала она. — Костя, смотри. И утром солнце будет, и вечером.

— Вижу, — сказал Костя из-под раковины. — Тут трубы менять надо. Всё менять.

— Всё менять в любой хрущёвке, — сказала Варя. — Я с этим и не спорю. За это и цена.

— Цена хорошая, — признал Костя. — Подозрительно хорошая.

Варя кивнула.

— Подозрительно. Хотите знать почему?

Он вылез из-под раковины, вытер руки о джинсы и посмотрел на неё.

— Хочу.

И Варя рассказала. Без нагнетания, без мистики, как есть: хозяйка умерла в марте, в больнице, от сердечной недоста-

точности, ей было восемьдесят четыре года. Квартира юридически чистая. Были три сделки, все три сорвались. Покупатели жаловались, что ночью слышали стук.

— Я сама не слышала, — сказала Варя. — Я здесь первый день. Поэтому и позвала вас вечером. Если будет стучать, услышим вместе.

Костя посмотрел на Катю. Катя посмотрела на Костю. Потом Катя села на табуретку в кухне и сказала:

— Ну давайте слушаем.

Они слушали. Варя заварила чай в найденном на кухне чайнике со свистком, вода из-под крана шла ржавая, первые полминуты пришлось сливать. Пили из Антонининых чашек, с золотым ободком, тонких, почти прозрачных. Костя рассказывал, как они с отцом в девяностые клали плитку в такой же хрущёвке на Затоне и как отец уронил с балкона перфоратор. Катя смеялась. За стеной у соседей бормотал телевизор, потом кто-то спустил воду, потом наступила тишина.

В половине двенадцатого Костя посмотрел на часы.

— Ну что, — сказал он. — Похоже, призрак сегодня выходной.

— Похоже, — сказала Варя.

Она почти расслабилась. Она поймала себя на этом и удивилась: весь день внутри у неё что-то держалось, как сжатая пружина, а сейчас отпустило. Нормальная квартира. Нормальные люди. Шесть метров кухни, чай, холодильник

«Зил».

Катя встала, чтобы поставить чашку в раковину, и в этот момент в комнате заиграло радио.

Не громко. Тихо, с хрипом, как играют старые приёмники, когда антенну забыли вытянуть. Сначала шум, потом сквозь шум мелодия, какой-то вальс, медленный, с духовыми. Женский голос что-то пел, слов было не разобрать.

Все трое застыли.

Варя посмотрела на телефон. 23:40.

— Это вы включили? — шёпотом спросила Катя.

— Нет, — сказала Варя.

Она встала. Ноги были чужие, ватные, но она заставила себя пойти. Три шага по коридору. Дверь в комнату была открыта. Свет из кухни падал на пол жёлтой полосой и не доставал до окна.

«Спидола» стояла на подоконнике, там, где Варя её оставила. Шкала светилась тусклым оранжевым светом. Стрелка дрожала где-то между Варшавой и Будапештом.

Варя протянула руку, чтобы выключить, и тут в стене постучали.

Три раза. Медленно, отчётливо. Не трубы и не ремонт. Так стучат в дверь, когда знают, что дома кто-то есть.

Тук.

Тук.

Тук.

Радио замолчало. Сразу, на полуноте, как будто кто-то вы-

дернул шнур. Оранжевый свет на шкале погас.

В тишине Варя слышала, как на кухне Катя сказала очень спокойно:

— Костя. Мы уходим.

Они ушли быстро. Костя на ходу накинул куртку, Катя даже не стала надевать сапоги, несла их в руках. В дверях Костя обернулся, хотел что-то сказать Варе, но не сказал. Только кивнул, как будто извинялся. Дверь за ними закрылась. Варя слышала, как они бегут вниз, как Катя на каком-то этаже нервно засмеялась, а Костя на неё шикнул. Внизу хлопнула подъездная дверь. Кирпич, видимо, кто-то убрал.

Варя осталась одна.

Она стояла посреди комнаты и не двигалась. Потом подошла к стене, к той, откуда стучали. За ней была тридцать шестая квартира. Варя приложила ладонь к обоям. Обои были холодные и чуть шершавые, под ладонью чувствовался бугорок, как будто там когда-то был гвоздь.

— Эй, — сказала она тихо. Сама не знала, кому.

Никто не ответил.

Тогда она взяла радио. Перевернула его, нашла крышку батарейного отсека и подцепила ногтем. Крышка не поддавалась, прикипела. Варя сходила на кухню за ножом, поддела. Крышка отскочила и упала на пол.

Внутри, в батарейном отсеке, было пусто. Ни батареек, ни проводов, только пыль. Серая, плотная, ровная, как войлок. Нетронутая.

Варя долго смотрела на эту пыль.

Потом поставила радио обратно на подоконник, ровно на старый след. Выключила свет на кухне. Закрыла дверь на два оборота и подёргала ручку. Спустилась на один пролёт и только тогда достала телефон.

Было 23:52. От Эдика пришло сообщение: «Ну как там?»

Варя набрала «Нормально» и стёрла. Набрала «Тут» и тоже стёрла.

Потом написала: «Беру. Но мне нужно больше месяца».

Отправила и пошла вниз. На четвёртом этаже за дерматиновой дверью всё так же тикали часы, много часов, вразнобой. Под дверью горела полоска света.

Кто-то там не спал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.